

УДК 78.03
doi: 10.17223/26188929/8/4

Наталья Найко

ОЛЕГ ОВАНЕСОВИЧ МЕРЕМКУЛОВ

Предлагаемый текст отчасти основан на архивных документах КГИИ и материалах личного архива С.Ф. Найко, свидетельствах коллег, отчасти – на моих впечатлениях от событий, очевидцем которых я была, и осмыслении феномена О.О. Меремкулова. Но самое ценное – это использование фрагментов аудиозаписи воспоминаний самого Олега Ованесовича. В период его 75-летнего юбилея, в сентябре 2010 г., мы пригласили его к себе домой и много общались при включенном микрофоне, который несколько нас не смущал и не препятствовал непосредственности, искренности.

Композитор и деятель Олег Меремкулов – это обширная тема, которую в подобных записках возможно раскрыть лишь в очень малой мере. Однако я решаюсь сделать свой скромный, но, как мне представляется, необходимый вклад, озадачившись встречающи-

мися в некоторых публикациях неточностями хронологического и фактологического порядка.

В 1980-е гг. О.О. Меремкулов руководил кафедрой теории и истории музыки. Он переехал в Красноярск в 1980 г. Практически все его называли «Олег Иванович», подлинное отчество нам стало известно позднее. Олег Ованесович окончил в 1972 г. Горьковскую консерваторию по классу композиции А.А. Нестерова. У него уже был опыт заведования теоретическим отделением Новороссийского музыкального училища, преподавания в 1973–1978 гг. на кафедре теории музыки в Астраханской консерватории, руководства художественной работой в Республиканской филармонии в г. Сыктывкар (Республика Коми).

По собственному признанию, он оказался в Красноярске во многом благодаря В.А. Аверину, творческое сотрудничество и дружба с которым начались в период работы в Астрахани. У Олега Ованесовича сохранились обстоятельные письма, которые отправлял ему Владимир Александрович в Сыктывкар. Тот вёл настойчивую «агитацию», рассказывая о замечательной творческой обстановке и перспективах нового вуза. И когда в Красноярске подошли вплотную к идее создания союза композиторов, В.А. Аверин вместе с ректором – Г.А. Белоусовым – обсуждал возможность приезда О.О. Меремкулова и как композитора, предполагая возможность дальнейшего сотрудничества, и как человека, имеющего большой организационный опыт. Именно возможность развернуться в полную силу и совмещать творческую, педагогическую и организационную работу привлекла Олега Ованесовича в Красноярск.

По приглашению Олега Ованесовича в 1985 г. на работу в институт приехал выпускник Московской консерватории, композитор Б.Р. Иофис, а в 1989 г. – музыковед В.И. Скуратовский, также окончивший Московскую консерваторию. По разным причинам не все из названных коллег остались в Красноярске, однако нужно признать, что в течение тех первых 9 лет (1980–1989 гг.), когда Олег Ованесович был заведующим кафедрой теории и истории музыки КГИИ, для дальнейшей плодотворной деятельности кафедры была заложена серьёзная профессиональная основа.

Олег Ованесович – яркая харизматичная личность. Высокий, статный, импульсивный – он сразу привлекал к себе внимание. Он никогда не был равнодушным, иногда даже был склонен что-то

драматизировать, переживать с особым эмоциональным накалом, что стоит расценить как следствие его темпераментности. Бюрократические нелепости, которые, хотя и сопровождались громогласными репликами «мрак», «ужас», «кошмар», он переживал с юмором; с рутинной работой, типа распределения нагрузки, составления отчётов и т.п., справлялся «играючи». Его отличало какое-то постоянное творческое «горение», вдохновенность. Возможно, это связано с непрекращающейся внутренней работой – своего рода полифоническим потоком мыслей, чувств, образов памяти, возникновением новых замыслов, сочинением музыки. Одухотворённость помогала Олегу Ованесовичу не утомляться, он словно парил над обычной жизненной суетой и подчас с недоумением или хохотом обнаруживал ситуации, входившие в явное противоречие с его поэтическими иллюзиями.

Первый Новый год в Красноярске мы встречали в кругу его семьи и ближайших коллег-друзей. Олег Ованесович собственноручно готовил плов. Он знал толк в гастрономии, во многом благодаря своей маме Евгении Михайловне, изумительно готовившей изысканные блюда даже в те, весьма скудные по возможностям, времена, и благодаря своей супруге Эмилии Львовне. Он очень любил свою дочь Леночку, жену, маму – семейное счастье придавало сил и в творческой работе, а творческая работа, в свою очередь, наполняла особым смыслом и семейную жизнь.

Интенсивность проживания всех событий можно считать отличительным качеством Олега Ованесовича. Он ждал такого же энтузиазма, душевной щедрости и самоотдачи от остальных коллег, разочаровывался и переживал, если его ожидания не оправдывались. Он втягивал в свою орбиту и преподавателей, и студентов. Его жизнь и жизнь кафедры тесно переплетались с творческой жизнью организации союза композиторов – пылкое, в высшей степени заинтересованное, пристрастное обсуждение проектов, состоявшихся концертов, новых сочинений, статей и работ по второй половине нагрузки преподавателей кафедры – всего, что имело отношение к окружающей музыкальной действительности... Но при этом необходимо отметить и редкостную деликатность, корректность, уважение чужих границ, чужого личного пространства.

После окончания пединститута в 1957 г. Олег Ованесович приступил к работе, уехав сначала на один год по распределению

в сельскую национальную узбекскую школу. Потом перебрался в Новосибирск, а позже – в 1959 г. – в Горький (Нижний Новгород). И тут обнаружилась интересная закономерность: где бы он ни был, в его жизни всё сильнее и настойчивей заявляла о себе музыкальная составляющая. Преподавая в общеобразовательной школе русский язык и литературу, он также руководил хоровым коллективом, создал детскую музыкально-театральную студию, где осуществил постановку двух своих детских опер.

Сочинив вокальный цикл на стихи американского поэта Уолта Уитмена, Олег Ованесович решил послать его на отзыв Д.Б. Кабалевскому, который в 50-е гг. XX в. был секретарем правления Союза композиторов СССР, а с 1962 г. возглавлял комиссию по музыкально-эстетическому воспитанию детей и юношества. Дмитрий Борисович оценил музыкальное дарование молодого автора и настоятельно посоветовал ему получить профессиональное композиторское образование и посвятить свою жизнь творчеству. Д.Б. Кабалевский рекомендовал обратиться к А.А. Нестерову, но при этом просил не ссылаться на него. Взяв ноты своих сочинений, Олег Ованесович пришёл в Горьковскую консерваторию к Аркадию Александровичу Нестерову, заведующему кафедрой теории музыки, который в то время был также председателем правления Верхневолжской организации Союза композиторов РСФСР. Посоветовавшись с коллегами, Аркадий Александрович определил двух преподавателей для индивидуальных занятий с Олегом Ованесовичем, которые за полтора года подготовили его к сдаче вступительных экзаменов в консерваторию на общих – конкурсных – основаниях.

В период 1967–1972 гг. Олег Ованесович был студентом Горьковской консерватории, занимаясь первые годы по специальности «музыковедение», а с третьего курса специализируясь как композитор в классе заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора А.А. Нестерова. (Здесь прослеживается замечательная линия: А.А. Нестеров – выпускник Московской консерватории, учившийся у В.Я. Шебалина. Шебалин – воспитанник Н.Я. Мяковского, который, в свою очередь, окончил в Петербургской консерватории класс композиции А.К. Лядова, занимаясь инструментовкой под руководством его непревзойденного учителя – Н.А. Римского-Корсакова.)

Будучи на пятом курсе, Олег Ованесович начал работать в Новороссийском музыкальном училище в качестве заведующего теоретическим отделением. Он руководит факультативом по композиции, несколько его воспитанников впоследствии стали профессиональными музыкантами, членами союза композиторов.

В качестве дипломной работы на выпускном экзамене в 1972 г. была представлена Первая симфония, исполненная Горьковским филармоническим симфоническим оркестром под управлением Александра Скульского, служившего в те времена вторым дирижером филармонического оркестра. По рассказам композитора, когда он пришел на первую репетицию, Скульский подошел к нему со словами: «Вы не переживайте, но вполне возможно, что Вы сейчас ничего не будете слышать, но Вы не волнуйтесь». И он оказался прав. Молодой автор только ощущал общий благожелательный настрой музыкантов, их особую приветливость, но не мог ничего понять из звучащего. Закончив играть, оркестранты зааплодировали. Творение молодого автора было отмечено прессой.

Талантливый горьковский музыковед, преподаватель консерватории, Олег Владимирович Соколов, выросший с годами в крупного учёного, рассказал о Меремкулове Марку Ароновичу Этингеру – одному из инициаторов открытия Астраханской консерватории. В ту пору он заведовал кафедрой теории и истории музыки и уговаривал Олега Ованесовича переехать в Астрахань на работу в молодую консерваторию, сразу на должность старшего преподавателя, что и состоялось в 1973 г.

В то время в Астрахани работал и В.А. Аверин, известный балалаечник, лауреат Всероссийских конкурсов. Олег Ованесович застал его в расцвете исполнительских возможностей. Именно от Владимира Александровича исходили первые импульсы в области сочинений для народных инструментов, благодаря ему открылась целая серия оригинальнейших замыслов для музыкантов-«народников». Владимир Александрович был чрезвычайно активным, дотошным, внимательным к тексту – уж если за что-то брался, обязательно доводил до конца. Его настойчивость доходила до анекдотов: был случай, когда он закрыл композитора на ключ в консерваторском классе и не выпускал, пока тот не дописал несколько оставшихся строк Триптиха для балалайки. «С тобой, – говорил, – только так надо».

У Олега Ованесовича остались яркие впечатления астраханского периода, среди них – авторский концерт во Владикавказе, организованный на высшем уровне. Два года он был председателем комиссии на выпускных экзаменах на фортепианном и теоретическом отделении местного училища. И его преподаватели в сотрудничестве с консерваторскими коллегами устроили концерт в филармонии, где был задействован училищный хор, солисты из консерватории и из училища. А потом, перед самым отъездом Олега Ованесовича из Астрахани, состоялся его авторский концерт, на котором присутствовал эстонский композитор, народный артист СССР Эуген Капп. Была исполнена соната для скрипки, которую высоко оценили как М.А. Этингер, так и Э.А. Капп.

В 1975 г. Меремкулова приняли в Союз композиторов. В Астрахани Олег Ованесович встретил свою будущую супругу – Эмилию Львовну – и с ней обрёл семейное счастье. В 1978 г. в Коми было задумано открытие союза композиторов, и Олегу Ованесовичу предложили участвовать в подготовке, а потом и войти в состав этой республиканской организации. Для молодой семьи создавали хорошие условия, и Олег Ованесович согласился на переезд в Сыктывкар, где приобрёл опыт как руководитель республиканской филармонии. Здесь же в 1979 г. родилась горячо любимая дочь Леночка, что придавало силы, воодушевляло, питало новые эмоции.

В 1980 г. Меремкуловы приехали в Красноярск, привлеченные новыми перспективами, масштабом и многогранностью открывающихся здесь возможностей. По признанию самого Олега Ованесовича, красноярский период – едва ли не самый высокий в творческом плане. В конечном итоге, именно в Сибири расширился круг музыкантов, с которыми О.О. Меремкулову повезло сотрудничать и реализовывать новые творческие замыслы. Ведь для любого композитора важно наличие своеобразной питательной среды – круга заинтересованных в твоём творчестве людей. Такие люди встречались и прежде, но красноярская пора отмечена счастливым совпадением двух обстоятельств: человеческая и художническая зрелость самого автора и творческое содружество с крупными музыкантами. Как вспоминает Олег Ованесович, особая страница открылась с приездом из Москвы в ноябре 1982 г. баяниста Сергея Найко – первого в Красноярске солиста-инструменталиста, отмеченного высоким званием лауреата престижнейших конкурсов,

всесоюзного и международного. Уже в декабре 1982 г. он участвовал в концерте кафедры народных инструментов с «Испаниадой» Вл. Золотарева, а в апреле 1983 г. выступил с сольной программой, где, наряду с другими сочинениями, был включен и *De profundis* С. Губайдулиной. Б.А. Тарасов после выступления в кафедральном концерте Найко с «Испаниадой» передал баянисту слова Олега Ованесовича: «Сразу видно, что это очень большой музыкант».

Весной 1984 г. музыканты уже обговорили, что должно появиться какое-то сочинение. Летом 1984 г. С. Найко, будучи у родителей на Украине, получил по почте рукописный текст первых двух частей и начал серьёзно его перерабатывать, учитывая специфику инструмента и исполнительские возможности. Он бережно преобразовывал материал, находил соответствующие драматургической логике фактурные и тембровые решения, регистровку.

Другой памятный период отмечен погружением в художественный мир творений В.П. Астафьева и общением с писателем. По прочтении книги Астафьева «Последний поклон» Олег Ованесович был взволнован до слёз и, ещё не перевернув последние страницы, уже точно знал, что с этим что-то будет связано. Потом добавились впечатления от других произведений Виктора Петровича, от личных встреч на всякого рода общественных мероприятиях.

Идея создания симфонии для оркестра русских народных инструментов родилась в тесном общении с четой Тарасовых, приложивших немало усилий для воспитания студентов-оркестрантов и в целом оркестрового коллектива, поднятия престижа оркестра КГИИ, который тогда, действительно, был замечательным. Молодой дирижер Валентина Ивановна, работая с институтским оркестром, чувствовала свои силы, возможности, стремилась их реализовать. У Бориса Андреевича неизменно дома на рабочем столе лежали раскрытые партитуры, и ни дня не проходило без выполнения той или иной инструментовки. Он во многом определял репертуарную политику учебного оркестра, был нацелен на создание переложений высокой классики для него, на открытие малоизвестных сочинений. Перспектива подготовки к исполнению оркестром русских народных инструментов настоящей симфонии казалась им очень привлекательной, и они сыграли огромную роль в реализации творческого замысла. Каждый из них подталкивал Олега Ованесовича к этой работе, иначе, как признаёт сам автор, симфонии

бы просто не было: «Даже какие-то фрагменты тут же воспринимались с энтузиазмом: “Да! Это должно звучать! Да, это получится, это здорово!”, когда я сам еще не очень верил...».

Премьера симфонии состоялась в Малом зале Красноярской филармонии 24 ноября 1985 г. на авторском вечере Олега Меремкулова, посвященном 50-летию со дня его рождения. Исполнял симфонию «По прочтении Астафьева» оркестр русских народных инструментов КГИИ под управлением В. Тарасовой. В зале присутствовал В.П. Астафьев. После концерта ужинали дома у Меремкуловых, Виктор Петрович был изумлён энергией и исполнительской волей Валентины Ивановны Тарасовой, а все присутствующие открыли для себя Астафьева-рассказчика, поражавшего своей наблюдательностью и мудростью.

Вскоре, по просьбе актёра Юрия Романова, была создана музыкально-литературная композиция «Мальчик в белой рубашке», где использовалась фонограмма с музыкой симфонии. Впервые мы слушали эту композицию в актовом зале Дома политпросвещения. Партию чтеца исполнял Юрий Романов, голос которого звучал очень естественно, доверительно. В его манере не было ни малейших внешних эффектов, но чувствовалась такая погруженность в нежно-скорбное повествование, что слушателей пронзало до самой глубины души.

Масштабный композиторский замысел многих лет – опыт прочтения Ф.М. Достоевского, первоначально представший в виде музыкально-драматических сцен «Бесы», премьера которых с большим успехом прошла в Малом зале Красноярской государственной филармонии в декабре 1995 г. (дирижер В. Ермошкин). В октябре 2004 г. в Красноярском государственном театре оперы и балета была исполнена новая версия этого сочинения – сцены из оперы-драмы «Бесы». Позже композитор определил жанр своего произведения как музыкальную драму-триптих. Основу его либретто составили эпизоды из романов «Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание». Сцены Пролога художественно претворяют подлинные факты биографии Достоевского и включают строки из его «Дневника» и писем, а также звучание песни, текст которой записан писателем в ссылке.

В условиях сжатого времени музыкально-сценического жанра каждое слово писателя, тщательно и бережно отобранное компози-

тором, концентрируя в себе максимум информации, оказывается предельно «заряженным». Многоплановость текстов Достоевского, где пластическая характеристичность персонажей органично соединяется с символичностью их поступков и судеб, а предельная эмоциональная обостренность – с философским вопрошанием, находит свое отражение в музыке триптиха.

Используя средства современного музыкального языка, О. Меремкулов вместе с тем продолжает традиции русских композиторов XIX–XX столетий в области музыкального претворения словесного текста. Автор привлекает к реализации своего замысла не только академический вокал и симфонический оркестр, но и драматических актеров, а также средства пантомимы и экранного искусства, что в совокупности способствует расширению границ восприятия.

Творческое сознание О. Меремкулова продолжало активно работать и в последнее пятнадцатилетие его жизни, изумляя почитателей его таланта оригинальными замыслами. Концерт для виолончели, гуслей звончатых и симфонического оркестра в 3-х частях, сочиненный в 2008 г. и посвященный виолончелисту Михаилу Курицкому и гусляру Павлу Лукоянову, позднее был объединен с написанным в 2010 г. Концертом-прелюдией для этого же состава. Таким образом, два концерта образовали Диптих-симфонию (2010).

В авторском вечере по случаю 75-летия композитора прозвучала премьера «Поэмы гнева и любви» на стихи А. Ахматовой для симфонического оркестра, меццо-сопрано и детско-юношеского хора, посвященная памяти жертв ленинградской блокады.

В 2014 г. был написан Концерт для баяна и симфонического оркестра, существующий и в версии для органа. Продолжение сотрудничества с талантливым виртуозом Павлом Лукояновым привело к созданию Концертных вариаций «Празднества» для трёх гуслей и одного исполнителя (2014).

Творческая дружба с красноярским пианистом Денисом Приходько вдохновила композитора на создание Концерта-симфонии для виолончели и фортепиано с оркестром (2016). Примерно в этот же период написано еще одно сочинение – Концерт-поэма для фгота и камерного оркестра с участием сопрано-соло (2016–2017 гг.).

С возрастом я все больше убеждаюсь в неслучайности всего, что происходит в нашей жизни. Удивительно, как сурова и одновре-

менно милостива была к Олегу Ованесовичу судьба. Она оставила его без почетных званий и высоких регалий, но всегда уберегала в моменты, грозящие действительной опасностью. Она провела его через невероятные жизненные испытания и драмы, но была щедра на людей «высшей пробы», подчас она устанавливала жёсткие границы, сковывая его порывы, но дала возможность, раздвигая время и пространство, узреть истинные глубины и познать творческие взлёты.

Земной путь О.О. Меремкулова оборвался в июле 2019 г., когда он был полон замыслов. Нетленным памятником яркому, одухотворённому художнику и эпохе, в которую он жил, остались его творения.